

С.Р. МАТВЕЕВ

ОПЫТ СЕТЕВОГО ПОДХОДА К ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ПОСЛЕНАПОЛЕОНОВСКОЙ ФРАНЦИИ

Интеллектуальная история периода Реставрации (1814–1830) неоднократно попадала в поле зрения авторов как общих¹, так и специальных² работ. В литературе сформировалось критическое отношение к социальной мысли посленаполеоновской Франции, “тупость”³ которой противопоставлялась блеску эпохи Просвещения, многие ее представители просто преданы забвению. Истоки такого подхода берут начало в работе французского историка идей и правоведа А. Мишеля “Идея государства” (1902)⁴, где он утверждает, что Реставрация не принесла ничего важного и оригинального на уровне политических идей. После книги Р. Солто “Французская политическая мысль в XIX веке”⁵ этот вывод закрепился и в англоязычной историографии и стал господствующим, что отмечают и авторы новейших работ по рассматриваемой теме⁶. В то же время

Матвеев Сергей Рафисович – стажер-исследователь Института гуманитарных историко-теоретических исследований имени А.В. Полетаева, аспирант факультета философии научно-исследовательского университета Высшая школа экономики.

В статье использованы результаты проекта “Конструирование прошлого и формы исторической культуры в современных городских пространствах”, выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2014 г.

¹ См., например: *Lacretelle Ch.* Histoire de France depuis la Restauration, t. I–IV. Paris, 1829–1835; *Capefigues J.-B.* Histoire de la Restauration et des causes qui ont amené la chute de la branche aînée des Bourbons, t. I–X. Paris, 1831–1833; *Dulaure J.A.* Histoire de la Révolution française depuis 1814 jusqu’à 1830, t. I–VIII. Paris, 1835–1838; *Vaulabelle A.T.* Histoire des deux Restaurations jusqu’à l’avènement de Louis-Philippe (de janvier 1813 à octobre 1830), t. I–IV. Paris, 1844–1852; *Thureau-Dangin P.* Le Parti libéral sous la Restauration. Paris, 1876; *Duvergier de Hauranne P.* Histoire du gouvernement parlementaire en France (1814–1848), t. I–X. Paris, 1857–1871; *Viel-Castel Ch.-L.* Histoire de la Restauration, t. I–XX. Paris, 1860–1878; *Goldstein J.* The Post-Revolutionary Self: Politics and Psyche in France, 1750–1850. Cambridge, 2005, etc.

² См., например: *Philippe A.* Royer-Collard, sa vie publique, sa vie privée, sa famille. Paris, 1857; *Barant A.G.P.* La vie politique de Royer-Collard, ses discours et ses écrits, t. I–II. Paris, 1861; *Villemain A.F.* Chateaubriand, sa vie, ses écrits, son influence littéraire et politique sur son temps. Paris, 1858; *Marcellus C.* Chateaubriand et son temps. Paris, 1859; *Sainte-Beuve Ch.* Chateaubriand et son groupe littéraire sous l’Empire, t. I–II. Paris, 1860; *Guizot F.* Le duc de Broglie. Paris, 1870; *Bonnal E.* Manuel et son temps. Paris, 1877; *Nervo J.B.* Les Finances françaises sous la Restauration, t. I–IV. Paris, 1865–1868; *Mazarde J.* Le comte de Serre. Paris, 1879; *Lacombe P.* Le comte de Serre, t. I–II. Paris, 1881; *Margerite A.* Joseph de Maistre. Paris, 1883; *Lescure F.* Le comte Joseph de Maistre et sa famille. Paris, 1893; *Descotes F.* Joseph de Maistre pendant la Révolution. Paris, 1895; *Craitu A.* Liberalism Under Siege: The Political Thought of the French Doctrinaires. Oxford, 2005; *Reedy W.* The Historical Imaginary of Social Science in post-Revolutionary France: Bonald, Saint-Simon, Comte. – History of the Human Sciences, v. 7, 1994, № 1, p. 1–26.

³ *Craitu A.* Op. cit., p. 9.

⁴ *Мишель А.* Идея государства. Критический опыт истории социальных и политических теорий во Франции со времен революции. М., 2008.

⁵ *Soltan R.* French Political Thought in the Nineteenth Century. New Haven, 1959.

⁶ *Reedy W.* Op. cit., p. 2–8; *Craitu A.* Op. cit., p. 9–20; *Goldstein J.* Op. cit., p. 7–11.

исследователи констатируют недостаточную изученность эпохи Реставрации в целом и ее интеллектуальной истории в частности⁷. Исключение представляет А. де Токвиль, автор “Демократии в Америке”, знаменитый “историк и философ, либерал и консерватор”, удивлявший и продолжающий удивлять многих современностью своих идей и прогнозов относительно самоуправления, индивидуализма, равенства, свободы и траектории развития политических систем.

Цель данной статьи состоит в определении значения самоорганизационных характеристик развития интеллектуального сообщества через сетевой анализ кооперации мыслителей посленаполеоновской Франции в виде групп и клубов, сформировавшихся в первую очередь не по научно-дисциплинарному, а по политическому принципу.

Сетевой подход адекватен историческому материалу, поскольку сети взаимоотношений между людьми существовали всегда, но только в XX в. появилась идея их интерпретации в виде социограмм. Релевантность подхода к интеллектуальной истории показал Р. Коллинз, теория которого используется в данной статье в сочетании с концепцией политических сетей и историей идей. Подобный синтез представляется необходимым, поскольку позволяет выявить политические мотивы кооперации интеллектуалов. Во Франции эпохи Реставрации роль государства в культурном строительстве была очень велика, что обуславливало тесные отношения между интеллектуальными элитами и элитами других типов. Рассмотрение карьер министров и депутатов в 1814–1830 гг. не оставляет сомнения в существовании устойчивого обмена между политической и интеллектуальной элитами, интенсивность которого позволяет говорить о меритократии. К. Шарль связывает это с пространственной и политической организацией государства: “Страны, в которых интеллектуалы играют центральную роль, чаще являются странами централизованными – Испания, Россия, Франция”⁸.

Таким образом, интеллектуальное и политическое пространство эпохи Реставрации вдвойне репрезентативно в силу вовлеченности интеллектуалов в политическую практику, их участия в создании политических партий и выработке идеологических доктрин. Поэтому важным аспектом исследования становится анализ политической конъюнктуры, во многом определяющей важнейшие дискуссии в интеллектуальной среде. Анализ деятельности мыслителей через призму сетевого подхода позволит не только создать новую панораму интеллектуального сообщества, включая фигуры второго ряда, но и расширит наши знания о кооперации и коммуникации в интеллектуальной среде, а также поможет установить связь между политическими процессами, политической рефлексией и выработкой идеологии.

Сетевой подход Коллинза состоит в предположении о непосредственном социальном влиянии сетевой структуры отношений между мыслителями на конструирование идей⁹. Интеллектуалы рассматриваются им как разновидность изолированного сообщества, в котором постоянно сталкиваются одни и те же люди. Мыслители склонны реифицировать свои символы, как если бы они были конкретными объектами. Интеллектуальные сакральные объекты создаются в сообществах, которые распространены широко, но обращены вовнутрь, ориентированы на обмен скорее между собственными участниками, чем с аутсайдерами, и которые утверждают свое исключительное право посредством размышлений принимать решения о правильности и обособанности своих идей. Интеллектуалы гораздо острее осознают свою групповую идентичность¹⁰.

Метод Коллинза, во-первых, предполагает сбор большого количества исторических описаний некоторой области культурного производства, т.е. традиционное формирование источниковой и историографической базы. Во-вторых, ранжирование интеллек-

⁷ См., например: *Waresquiel E.* La Restauration, le chant du cygne de l’Ancien Régime. – *Historia*, 1997, № 604, p. 37.

⁸ Шарль К. Интеллектуалы во Франции: вторая половина XIX века. М., 2005, с. 24.

⁹ См. Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск, 2002, с. 32.

¹⁰ Там же, с. 22.

туалов осуществляется в соответствии с тем вниманием, которого они удостоились у современников и в позднейших исторических источниках. В-третьих, исследуются личные связи между мыслителями с целью определить отношения между учителем и учеником, коллегами, друзьями, противниками, врагами, особенно на ранних “формативных стадиях жизненных карьер”. На основе данных о связях такого рода предлагается создать сетевую схему, которая в случае успеха отражает структуру, распространяющуюся в нескольких направлениях: “вертикально” во времени – от одного поколения к другому, “горизонтально” – среди современников. В сетевые схемы включаются и интеллектуалы-“отшельники”, не имевшие связей с другими представителями сети. Коллинз рекомендует полагаться на исторический материал при решении вопроса о том, кто находится в области культурного производства и насколько близко от центра; поэтому в сравнительных целях возникает потребность в сведениях о тех, кто находится на периферии или в изоляции¹¹.

При работе с историческим материалом сетевая схема строится на основе широкого круга источников информации. Коллинз предлагал представить отдельных людей, которые находятся в поле и каждый заявляет о своей истине, вступает в спор. Момент, когда кто-то один начинает собирать вокруг себя сторонников, оказывается моментом создания сети. Фактором выбора в такой ситуации может стать наличие социального, политического, интеллектуального или культурного капитала. Упоминания в мемуарах позволяют установить центральные фигуры определенной группы, сведения о членстве в одном объединении дают возможность локализовать сеть, а исторические факты помогают реконструировать иерархию. Благодаря личной переписке уточняются подробности взаимоотношений между корреспондентами, что свидетельствует о наличии постоянного контакта. Наконец, ссылки и упоминания являются важнейшим показателем интеллектуального лидерства и успешности. Ссылки, обнаруженные в текстах, являются также примерным указанием на культурный капитал, который был в них использован. Наиболее значительные интеллектуалы – это те, чьи работы чаще упоминаются. Их идеи являются “родителями” наибольшего числа “потомков”.

Специфика исторических источников предопределяет возможную нестабильность сетевых схем, построенных по методу Коллинза. Обнаружение новых данных может скорректировать отдельные фрагменты сетей или изменить всю картину. Однако подобная ситуация характерна для исторической науки в целом и не является ограничением исключительно сетевого подхода.

Интеллектуалы посленаполеоновской Франции – это особая социальная группа производителей отвлеченных идей, актуализированных историческим и политическим контекстом. Т.е. их размышления о свободе, справедливости, собственности, законе имеют непреходящее общетеоретическое значение и в этом смысле являются частью “*la vie sérieuse*” по терминологии Э. Дюркгейма. Однако детали и постановка проблем обусловлены социальной реальностью эпохи Реставрации, в истории которой можно найти связку между классическим (до 1800 г.) и постклассическим периодами политической философии.

Экстраординарная роль политики в обществе посленаполеоновской Франции делает необходимым краткий экскурс в историю эпохи Реставрации, когда формировались и дифференцировались различные политические направления и течения. Многие теоретические концепты и идеи выкристаллизовывались при осмыслении политических вызовов времени. Исследователи истории идей и философии периода Реставрации склонны выяснять и уточнять политические взгляды своих “персонажей”, неизменно отмечая важность этой проблемы¹².

¹¹ Там же.

¹² См., например: *Philippe A.* Op. cit., p. 11–14; *Villemain A.F.* Op. cit., p. 6, 24, etc.; *Bonnal E.* Op. cit., p. 12; *Margerite A.* Op. cit., p. 34; 65; *Vermeren P.* Les têtes rondes du Globe et la nouvelle philosophie de Paris // *Romantisme*, № 88, 1995, p. 23–34, etc.

В начале 1814 г. Бурбоны имели немного шансов на возвращение трона, и в момент вступления войск союзников в Париж вопрос о лице, способном заместить французский престол, был открыт. Разрешение его 31 марта, благополучное для старой династии, было во многом результатом активных действий и логичных политико-философских воззрений легитимистов. Они стали первой группой, объединившей политиков и интеллектуалов, которые сочетали выработку текущей политической стратегии с философской рефлексией вокруг проблем власти и общества. Коммуникация в их лагере осуществлялась через одного человека – Ш.М. Талейрана, который был главой и медиатором всего объединения. Интеллектуалы и политики, придерживавшиеся легитимистских взглядов, но враждебные Талейрану, не попадали в поле зрения. Например, Э.-Ф. Витроль призвал к реставрации Бурбонов как к акту естественного права¹³, что было в *pendant* задумке Талейрана, но плохо скрываемая личная неприязнь великого дипломата¹⁴ помешала Витролю присоединиться к легитимистам. Презрение Талейрана к умственным способностям Ф. Монтескью и Э. Дамбре вкупе с независимым поведением обоих обусловило их маргинальное положение. Шатобриан, несмотря на свои интеллект и независимость, так и не смог стать лидером легитимистов. Талейран также упоминает о нем как о “недруге”¹⁵. Однако положения его брошюры “О Бонапарте и Бурбонах” во многом предвосхитили аргументы Талейрана. Например, еще до Реставрации Шатобриан писал: “Одни Бурбоны приличествуют ныне плачевному нашему состоянию, они одни могут излечить раны наши. Умеренность, отеческие их чувствования, и собственные их бедствия приличны источенному королевству, утомившемуся от различных потрясений и несчастий. Всё будет законно с ними, всё будет беззаконно без них. Одно их присутствие воскресит порядок, который от них должен воспринять свое начало”¹⁶. Однако проведенный нами сетевой анализ свидетельствует о том, что интеллектуальный капитал Шатобриана в период политических трансформаций оказался менее ценным, чем политический капитал Талейрана (в частности, Э. Витроль, Ф. Монтескью и Э. Дамбре ценили контакты Талейрана с русским царем и прусским двором). О Талейране как о лидере пишут все легитимисты, как враждебные (Э. Витроль, Ф. Монтескью, Э. Дамбре, Б. Констан, Ж. Сталь)¹⁷, так и расположенные к нему (Ф. Жокур, Б. Пасторе, А. Мандрау, П. Пардессю и др.). Интеллектуальные заслуги Шатобриана признаются оппонентами, но его лидерство ими отрицается¹⁸. На позициях легитимизма находились также Ж. де Сталь и Б. Констан, однако внимание других участников этого круга на них не сосредоточено. В контексте легитимистских идей имя Констан упоминают Талейран¹⁹ и Шатобриан²⁰. Однако Талейран подвергает резкой критике кандидатуру Бернадота на престол (идея Констан), и Констан оказывается в изоляции. Примечательны конфликтные отношения Талейрана с официальными представителями Бурбонов (Витролем, Монтескью и Дамбре), чьи интересы определялись принципом легитимизма. Противостояние Талейрану выводило его оппонентов на периферийные позиции.

¹³ *Vitrolles E.-F. Mémoires et relation politiques. t. 1. Paris, 1884, p. 238.*

¹⁴ Талейран оставил в своих записках следующую характеристику Витроля: “Но истинным камнем преткновения был для меня барон Витроль, член тайного роялистского комитета. Провансалец по рождению, он соединял в себе весь огонь этого климата с роялизмом, доведенным до высшей степени. Он ненавидел всех французов, служивших “похитителю”, ненавидел временное правление” (Записки князя Талейрана-Перигора, ч. 3. М., 1840, с. 166).

¹⁵ «Вышедшая в это время брошюра “Бонапарт и Бурбоны”, напечатанная с удивительной скоростью, произвела несказанное впечатление и нанесла сильный удар империи. Я знал, что автор ее надеялся быть в числе пяти, но я не выбрал его. Шатобриан не простил мне моей забывчивости, и сделался с этого времени моим неприятелем» (Записки князя Талейрана-Перигора, ч. 3, с. 168).

¹⁶ *Шатобриан Ф.Р. Бонапарт и Бурбоны. СПб., 1814, с. 86.*

¹⁷ См., например: *Vitrolles E.-F. Op. cit., t. 1, p. 235–236.*

¹⁸ *Villemain A.-F. Op. cit., p. 63.*

¹⁹ Записки князя Талейрана-Перигора... ч. 3, с. 160.

²⁰ *Шатобриан Ф.Р. Указ. соч., с. 80.*

Данная сеть демонстрирует то, как политический капитал определял успешность позиции в объединении в первые годы Реставрации. Его обладатель мог с большим успехом привлекать сторонников и последователей из числа интеллектуалов, чем обладатель культурного капитала.

Созданное Талейраном объединение действовало весьма успешно. Во-первых, после отречения Наполеона он наскоро собрал часть сенаторов из круга легитимистов (П. Рисе, Ж. Латур-Мобур, Ж. Пасторе и др.), в преданности которых не сомневался, и заставил их вотировать низвержение династии Бонапарта и призвание Бурбонов. Во-вторых, перед переговорами он имел аудиенцию у царя, прусского короля и представителя Австрии, где изложил доводы в пользу своего плана. Дипломат объяснил им, что все комбинации, которые до сих пор предлагались (регентство Марии Луизы, кандидатуры Бернадота, Евгения Богарне, герцога Орлеанского), могли быть осуществлены лишь при помощи очень сложных политических мероприятий, между тем как призвание законного наследника престола осуществимо прямым и открытым путем: “Бернадот и регентство – интрига, только Бурбоны – принцип”. По словам Талейрана, основная потребность Европы заключалась в отказе от оправдания узурпации и в восстановлении начал законности: “Эти начала не являются только средством охранения королевской власти и личности монарха, как думают поверхностные люди и как хотели бы внушить всем зачинщики революций; они составляют необходимую основу покоя и счастья народов, единственную гарантию их силы и долговечности”²¹. Талейран подчеркивает, что легитимность королевской власти представляет “защитный оплот для народов”, почему она и “должна быть священна”. Он говорит о легитимности власти вообще, независимо от формы правления, а не только о легитимности монархии или тем более французской монархии: “При легитимной власти, будет ли она монархической или республиканской, наследственной или выборной, аристократической или демократической, самое ее существование, форма и способ действия укреплены и освящены долгой чередой лет”²². Вероятно, эти доводы оказали воздействие на союзников, поскольку к окончанию переговоров представители Австрии и Пруссии не выдвигали беспорных аргументов против восстановления Бурбонов. Император Александр уступил доводам Талейрана и силе обстоятельств только тогда, когда последний уверил его, что можно организовать внешний эффект независимого возвращения Бурбонов²³, словно призванных нацией, последние же гарантируют Франции введение конституционного строя. Результатом этих переговоров явилась прокламация союзников от 31 марта, обращенная к населению Парижа. Она содержала категорический отказ от любых переговоров с Наполеоном и его представителями и гарантировала соблюдение конституции, которую французский народ себе пожелает. Для составления документа созывались сенаторы, из их числа формировалось временное правление, соединившее в себе законодательную и исполнительную власть.

Победа Талейрана над “политиками” была подкреплена его успехом в среде интеллектуалов (даже враждебных ему). Например, недружественный Талейрану Констан легко примирился с неудачей “своего” кандидата Бернадота и приветствовал возвращение на престол “бесподобной династии”. В письме к Талейрану от 3 апреля 1814 г. он благодарил его за свержение тирании, провозглашение свободы и называл дипломата “спасителем французов”²⁴. Госпожа де Сталь, которой падение Наполеона позволило вернуться во Францию, относилась к Бурбонам без малейших иллюзий, но предпочитала старую монархию узурпации и поддерживала легитимистов. Лагерь будущих доктринеров также поддерживал концепцию великого дипломата. Для Гизо Реставрация

²¹ Талейран. Мемуары, с. 295.

²² Там же.

²³ В мемуарах роялистов возвращение Бурбонов выглядит как происходящее независимо от ввода войск союзников. См. *Veugnot A. Mémoires*, t. 2. Paris, 1868, p. 113.

²⁴ Цит. по: *Бутенко В.А.* Либеральная партия во Франции в эпоху Реставрации. Т. 1, 1814–1820. СПб., 1913, с. 95.

была дорога еще как правительство, обеспечивавшее мир и свободу²⁵. В то же время для П. Руайе-Коллара, попавшего в гравитационное поле Талейрана в 1814 г., на первом плане стояли даже не мир и свобода, а легитимизм и борьба с проявлением революционного духа.

Являясь поначалу аргументом в защиту династических и территориальных интересов Франции, легитимизм стал влиятельной политической теорией, в рамках которой признавалось историческое право династий на определение основных принципов государственного устройства. Талейран, объединивший легитимистов вокруг себя, считается автором идеи и исходных принципов²⁶, несмотря на интеллектуальное первенство Шатобриана.

Функционирование политической системы реставрированной монархии тесно связано с конституционной Хартией, ключевым нормативно-правовым актом эпохи. Участники многих интеллектуальных дискуссий самого различного толка считали важным определить свою позицию по отношению к этому документу. Подробные записи относительно выработки Хартии содержатся в воспоминаниях Э. Паскье, отметившего необычайную поспешность, с которой сенат составил проект конституции. 3 апреля состоялось первое его обсуждение у Талейрана, а 6 апреля текст конституции был принят сенатом и опубликован. Такая быстрота представляет интерес уже потому, что 3 апреля Ш. Лебрен, которому поручили составление проекта, явился на совещание с первой конституцией Франции 1791 г., мотивируя свое предложение тем, что едва ли возможен лучший образец подобного акта²⁷. Однако конституция 1791 г. была неприемлема для сенаторов уже потому, что она предусматривала лишь Национальное законодательное собрание²⁸, “учреждение постоянное и состоящее только из одной палаты”²⁹. Большая же часть участников совещания, сенаторы, были заинтересованы в том, чтобы сохранить свою институцию как учреждение и обезопасить в будущем собственное материальное положение. Эти настроения почувствовал Талейран: “У нас есть сенат, без которого обойтись не можем. Уже одно это влечет за собой совершенно другую конфигурацию в соотношении властей”³⁰. Очевидно, что к 4 апреля проекта конституции еще не было, а между тем уже 5 апреля сенату представили проект, подготовленный ночью.

Для изучения проекта назначили комиссию из семи сенаторов – Ш. Абриаля, Ф. Вимара, Ш. Гарета, А. Грегуара, Э. Корне, П. Ланжюине и Ж. Фабра. Это представители так называемой либеральной группы сената. Интересно, что между ними были республиканцы Грегуар и Гарет, но они занимали периферийное положение и имели скромные связи в этой сети. Первый, будучи членом Конвента, прислал свое письменное согласие на казнь Людовика XVI. Второй исполнял функции министра юстиции и в качестве такового зачитал в Тампле смертный приговор королю. Проект, получивший по инициативе Талейрана название “Конституционная Хартия”, был принят сенатом единогласно. Символичной стала и подпись под ним аббата Сиейса. Сетевой анализ показывает связь этих сенаторов с партиями фельянов и жирондистов, а также контакт с либеральными интеллектуалами своего времени. Однако именно сетевая связь с предшественниками сделала возможной столь быструю выработку Хартии, включившей в себя многие положения конституции 1791 г.

²⁵ Guizot F. Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps, v. 1. Paris, 1858, p. 31, 147, 311.

²⁶ См.: Cox M.R. The Liberal Legitimists and the Party of Order Under the Second French Republic. – French Historical Studies, 1968, v. 5, p. 446–450; Kale S.D. French Legitimists and the Politics of Abstention, 1830–1870. – French Historical Studies, v. 20, 1997, p. 665–701; Williams R.L. From Malesherbes to Tocqueville: The Legacy of Liberalism. – Journal of the Historical Society, 2006, v. 6, p. 443–463; Rulof B. Wine, Friends and Royalist Popular Politics: Legitimist Associations in Mid-Nineteenth-Century France. – French History, v. 23, 2009, p. 360–382.

²⁷ Pasquier E.-D. Histoire de mon temps. Mémoires du chancelier Pasquier. t. 2. Paris, 1893, p. 316.

²⁸ Beugnot J.C. Op. cit., t. 2, p. 170.

²⁹ Законодательные акты Франции. СПб., 1905, с. 35.

³⁰ Beugnot J.C. Op. cit., t. 2, p. 317.

Теоретической основой работы этих сенаторов была идея синтеза учений Монтескье и Руссо, т.е. объединение принципа индивидуальной свободы с идеей народовластия, принципа разделения властей с суверенитетом нации. Их предшественниками выступали так называемые “патриоты” (Э.-Ж. Сийес, Ж. Лафайет, И.Р. Ле Шапелье, Ф. Ларошфуко, А. Туре, Ш. Тарже, А. Грегуар, Ж. Байи, П. Ланжюине, А. Барнав, А. Дюпор, А. Ламет и др.) и фельяны³¹ (Ф. Рамон, В.-М. Воблан, А. Жирарден и др.), которые воплотили свою политическую программу в конституции 1791 г. Не доверяя королевской власти, они ограничили ее полномочия и лишили самостоятельной политической роли: “Король (...) приносит присягу на верность нации и закону”, “если король не принесет присягу (...), то он признаётся отрекшимся от королевской власти”; “ни один приказ короля не подлежит исполнению, если он (...) не скреплен министром” и т.д. Гарантиям прав личности они предпочли народный суверенитет, который “принадлежит нации”, “един, неделим, неотчуждаем и неотъемлем; ни одна часть народа, никакое лицо не может присвоить себе его осуществление”³². Общественные интересы были поставлены под защиту многочисленных вновь созданных выборных властей³³. “Для торжества свободы они видели опасность только с одной стороны, со стороны королевской власти, и принимали поэтому все возможные меры для ее ограничения, создавали республиканскую конституцию при внешне монархической форме”³⁴. В годы господства термидорианцев “патриоты” собирались в салоне госпожи Сталь, которая сумела сблизить их с некоторыми роялистами (П. Дюпоном де Немуром, аббатом А. Морелле, Ш. Лакретеlem и др.) и стала тем самым центром интеллектуальной сети и медиатором между различными политическими силами. Конституционалисты 1791 г. стали предшественниками, а вернее родоначальниками партии “независимых”, которых В.А. Бутенко назвал “либералами в узком смысле слова”³⁵. Сетевой анализ показывает, как представители этой группы (Лафайет, Ларошфуко, Ланжюине, Ламет, Жирарден) вновь появляются на политической арене эпохи Реставрации с программой первых лет революции, следы которой можно найти в Хартии 1814 г.

Существовала тесная личная связь между членами партии фельянов, либеральными сенаторами периода Реставрации и посетителями салона мадам де Сталь³⁶. Организационным лидером и медиатором выступает хозяйка салона, она же, наряду с Констаном, и в меньшей степени Руайе-Колларом, признается интеллектуальным лидером³⁷. Связующим звеном между фельянами и салоном Сталь является Лафайет, который обладает в этом контексте двойной идентичностью. Реконструкция интеллектуальной сети позволяет установить существование преемственной связи между партией фельянов (1791) и либеральной группой сената (1814). Причем связь эта не была неким идейным наследованием, а возникла в результате контакта “лицом к лицу”.

Впоследствии праведы замечали, что способ происхождения сенатской конституции весьма негативно отразился на ее содержании, сетовали на недоговоренность и неполноту документа, связывая эти проблемы с поспешностью составления. В частности, индивидуальные права граждан формулируются весьма расплывчато и даже не перечисляются исчерпывающим образом. Например, совершенно не упоминается право на личную неприкосновенность³⁸. Однако сетевая схема, в которую были включены составители конституции, помогает дать ответ на вопрос об истоках руководящих

³¹ Партия конституционных монархистов во времена Учредительного собрания.

³² Конституция 3 сентября 1791 г. – Документы истории Великой французской революции, т. 1. М., 1990, с. 122, 126, 116.

³³ См. отдел I первой главы третьего раздела конституции 1791 г.

³⁴ Бутенко В.А. Указ. соч., с. 59.

³⁵ Там же, с. 59.

³⁶ Thureau-Dangin P. Op. cit., p. 34–40.

³⁷ Barant A.G.P. Op. cit., p. 71.

³⁸ См.: Бутенко В.А. Указ. соч., с. 107; Алексеев А.С. Возникновение конституций в монархических государствах Европы XIX столетия. М., 1914, ч. 1, с. 12.

принципов и отсылает к людям, идеям и контексту, объясняющим отмеченные правоведами недостатки. Хартия, несмотря на отказ разработчиков использовать текст первой французской конституции, стала поворотом к принципам 1791 г., которые она воспроизвела в смягченной форме. Текстологический анализ двух нормативно-правовых актов в данном случае скажет нам меньше, чем реконструкция сети их авторов.

Отношение к Хартии позволяет маркировать не только политическое, но и интеллектуальное пространство посленаполеоновской Франции. Талейран в записках отметил, что лишь внешне “Франция казалась разделенной на ультрароялистов и либералов”³⁹. Такое упрощенное деление позднее использовали исследователи, поверхностно подошедшие к проблеме политического контекста, в особенности социологи и философы⁴⁰. В действительности во французской политике наблюдалось куда большее число групп и течений. И если идея, объединявшая монархистов, всегда была персонафицирована личностью монарха или претендента на престол, то немонархические партии группировались по принципу принадлежности к “чистой идее”, будь то республика или сохранение статус-кво.

Крайне правые, ультрароялисты, отброшенные на периферию политической жизни с момента своего объединения в начале Французской революции и до периода Реставрации, обнаружили поразительную живучесть и компенсировали политическое бессилие активной интеллектуальной деятельностью. Заняв свою нишу в политике, они требовали возвращения старой династии без всяких условий и обязательств. “Ультра” использовали провиденциалистскую аргументацию и основывались на философии традиционализма, т.е. утверждали божественное происхождение монархии, выступали апологетами Старого порядка. Интеллектуальными лидерами течения стали политические мыслители, чье влияние выходило за пределы страны и лишь до определенной степени могло быть связано с политическими партиями и группами, это Жозеф де Местр, Луи де Бональд и Рене де Шатобриан. Их активность убедила некоторых исследователей в том, что эпоха Реставрации проходила под знаком разработки и обоснования правоконсервативной идеологии, становления ее основных принципов в ответ на вызов просветительских и революционных идей⁴¹. Подобное историографическое клише стало возможным вследствие редкой общности идей, которую отмечали сами традиционалисты. В частности, Местр писал Бональду: “Часто, читая Вас, я не могу удержаться от смеха, ибо обнаруживаю в Ваших сочинениях те же самые мысли и даже те же самые слова, которые содержатся в моих рукописях”. Бональд, инициатор переписки, разделял эти чувства: “Господин граф, хотя нам и не дано узреть друг друга материальными очами, нам дано узнать, а главное, понять друг друга самым сокровенным и исчерпывающим образом, и обстоятельство это, давно уже мною замеченное, преисполняет меня гордости и доставляет великое удовлетворение моему писательскому честолюбию, ибо сходство наше означает для меня не что иное, как неоспоримое доказательство истинности моих мыслей”⁴². Трудно найти более подходящий пример, иллюстрирующий слова Коллинза о том, что в непосредственных личных контактах повышается “интенсивность эмоций”, а внимание концентрируется на вполне определенных общих проблемах⁴³. Взгляды Местра и Бональда после 1812 г. приобретают всё более характерные черты взаимовлияния. По поводу будущего они испытывали сходные опасения, которые укрепились в первые годы Реставрации.

³⁹ Записки князя Талейрана-Перигора, с. 19.

⁴⁰ См.: *Craitu A.* Op. cit., p. 19–22; *Reedy W.* Op. cit., p. 1–26; *Sautel G.* Histoire des institutions publiques depuis la Révolution française. Paris, 1978.

⁴¹ См. Французский консерватизм XIX–XX вв. (критика зарубежной историографии). М., 1989, с. 9.

⁴² Цит. по: *Глод П.* Жозеф де Местр и Луи де Бональд. Контрреволюционные мыслители: сходства и различия. – Актуальность Жозефа де Местра. М., 2012, с. 31.

⁴³ См. *Коллинз Р.* Указ. соч., с. 34.

Источником недоверия была Хартия, по поводу которой Местр писал: “Вы никогда не говорили мне, господин виконт, верите ли Вы в Хартию; что до меня, я верю в нее ничуть не больше, чем в гиппогрифа или рыбу-прилипалу. Мало того, что ей не суждено долгой жизни, – ей не суждено жизни вообще, ибо нынешнее ее существование жизнью не является. Господь Бог не имел никакого касательства к ее принятию (...) над ней с самого начала тяготеет проклятие”. Ответ Бональда был пропитан не меньшим скептицизмом: “Вы спрашиваете, что я думаю о Хартии... Мое мнение насчет этого безрассудства, сударь, пожалуй, не слишком отличается от Вашего: Хартия есть порождение безумия и тьмы”, “это ящик Пандоры, на дне которого нет и проблеска надежды”⁴⁴.

Интеллектуальная сеть традиционалистов, идеологов ультрароялизма, представляет собой пространство тесного интеллектуального контакта, имеющее минимальное число центральных акторов. В силу этого идеология французских правых в эпоху Реставрации носила консолидированный характер, и между ее сторонниками не было таких противоречий, чего нельзя сказать об ультрароялистах с присущей им раздробленностью.

Сетевые связи Бональда свидетельствуют, что он был политиком-практиком и испытывал влияние своего политического окружения (Ж. Полиньяка, Ф. де Ларошфуко, Ж. Лагиля). Избранный в “бесподобную” палату в 1815 г., он приложил немало усилий в деле восстановления “освященного веками” порядка. Бональд последовательно поддерживал все усилия ультраправых по возвращению земель эмигрантов и восстановлению привилегий церкви и дворян, выступал во главе “ультра” за законодательство, стоящее на страже принципов традиционного общественного порядка. В палате депутатов, где правые вынуждены были реагировать на критику и аргументы своих оппонентов, Бональд нередко обращал внимание на разрушительный характер индустриализации. Таким образом, очевидно воздействие политической практики и исторического контекста на философские воззрения виконта.

В отличие от легитимистов Местр и Бональд признавали недостаточность реставрации династии и призывали к восстановлению Старого порядка и “удушению” революции: “Людовик XVIII возвратился отнюдь не на трон своих предков. Он всего лишь воссел на трон Бонапарте, и это уже великое счастье для человечества, хотя мы еще весьма далеки от успокоения. Революция сначала была демократической, потом олигархической, потом тиранической; сегодня она роялистская, но она продолжается. Искусство государя состоит в том, чтобы властвовать над нею и мягко задушить ее в объятиях. Открытое противостояние и брань лишь возродят ее и погубят нас”⁴⁵.

Традиционализм можно считать непосредственным следствием революции и предшественником консерватизма. Он стал единственной в своем роде попыткой преобразования в теорию основ Старого порядка. Известен призыв Местра к “верным подданным всех классов и провинций”: “Вы должны уметь быть роялистами. Когда-то это был инстинкт, сегодня – наука”⁴⁶. Революционному обществу, возникшему в результате народного восстания и на основе просветительских идей, традиционалисты противопоставляют образ исторически сложившегося общества, которое сформировалось по замыслу “первичного геометра”⁴⁷.

Термин “консерватизм” впервые употребил Шатобриан, когда дал название “*Conservateur*” газете, основанной им в 1818 г. и выступавшей в защиту клерикальной и монархической реставрации во Франции. Совместно с Местром и Бональдом Шатобриан способствовал превращению консерватизма в относительно последовательную систему взглядов, основанных на идеализированном образе “христианской цивилизации”. После смерти Местра газета “*Conservateur*” объявила Бональда учеником великого графа. Виконт признавал оказанную ему честь, но замечал, что не был ни учеником, ни учителем Местра⁴⁸.

⁴⁴ Цит. по: Глод П. Указ. соч., с. 32.

⁴⁵ Местр Ж. Петербургские письма. СПб., 1995, с. 254–255.

⁴⁶ *Maistre J. de. Oeuvres completes*, t. 3. Lyon, 1884, p. 155–156.

⁴⁷ Местр Ж. Рассуждения о Франции. М., 1997, с. 11–13.

⁴⁸ Глод П. Указ. соч., с. 33.

Пресса посленаполеоновской Франции развивалась так же стремительно, как и политические организации, и часто выступала своеобразным рупором последних. Факт сотрудничества с тем или иным изданием позволяет не только установить принадлежность к правым или левым, но и определить позицию интеллектуала внутри партии или группы.

Сетевой подход помогает реконструировать связь между лидерами партии ультрароялистов и сотрудниками правых изданий “Gazette de France” и “Quotidienne”, что еще раз демонстрирует взаимопроникновение между интеллектуальными и политическими элитами в целом, и связь правых политиков и правых интеллектуалов в частности. Роялистское издание “Quotidienne” объединяло ультраправых, которые стремились придать своим заметкам и статьям научный характер. Одним из его деятельных сотрудников был Ж. Любис, публиковавший заметки о дипломатических проблемах, переработанные после падения режима Реставрации в четырехтомную книгу по ее истории. Однако сотрудничество в ультраправой газете крайне негативно сказалось на тексте его работы, которую В.А. Бутенко сравнил с “резким реакционным памфлетом”⁴⁹. Ж.-Б. Капефиг, близкий друг и соратник Любиса, имел схожую профессиональную траекторию: от статей для “Quotidienne” до многотомной “Истории Реставрации”, написанной с позиций крайнего роялизма. Одновременно с ними в издании начал свою литературную деятельность А.-Ф. Нетteman, однако благодаря своему литературному таланту он вскоре занял в рядах партии гораздо более заметное положение⁵⁰. Именно ко времени работы в “Quotidienne” относится его очерк истории литературы в эпоху Реставрации⁵¹, многие фрагменты которого нашли развитие в восьмитомной “Истории Реставрации”⁵².

Политическая ангажированность интеллектуалов посленаполеоновской Франции дает о себе знать и в литературоведческих работах. Например, тот же Нетteman в литературе времен Реставрации видит три главных течения: католическо-монархическую школу (в политике – роялисты), школу философии XVIII в. (либералы) и школу рационалистически-монархического спиритуализма (доктринеры). Э. Доде, убежденный роялист, сюжеты и персонажей для своих ранних романов выбирал главным образом из эпохи Реставрации, герои и антигерои которой были для него очевидны. Свои симпатии он не переменял и в более зрелом возрасте, когда работал над многочисленными историческими трудами⁵³. Впрочем, предложить оригинальные выводы ему не удалось, а результаты очерка “Истории Реставрации” во многом повторяют и закрепляют выводы его идейного наставника Неттемана, чьи взгляды оказали сильное влияние на правых интеллектуалов, предпринимавших попытку написания истории Реставрации с соответствующих позиций⁵⁴.

“Gazette de France” стала местом публикации королевских указов и трибуной крайне правых политиков, критиковавших политику министра внутренних дел Э. Деказа, адрес 221⁵⁵ и т.д. На ее страницах публиковались такие сотрудники графа д’Артуа, как Ж. Полиньяк, Ж. Латиль, Ж. Тардиво, Ф. де Ларошфуко и др.

Журнал “Globe” объединял интеллектуалов либеральных взглядов. На его страницах печатались члены кружка доктринеров и группы Виктора Кузена. Участие двух лидеров Академии моральных и политических наук в работе политизированного печат-

⁴⁹ Бутенко В.А. Указ. соч., с. 8.

⁵⁰ Там же, с. 22.

⁵¹ *Nettement A. Histoire de la littérature française sous la Restauration*, t. I–II. Paris, 1853.

⁵² *Nettement A. Histoire de la Restauration*, t. I–VIII. Paris, 1860–1872.

⁵³ *Daudet E. Le Ministère de M. de Martignac*. Paris, 1875; *idem. Le Procès des ministres*. Paris, 1877; *idem. La Terreur blanche*. Paris, 1878; *idem. Histoire de la Restauration*. Paris, 1882.

⁵⁴ *Darreste A. Histoire de la Restauration*, t. I–II. Paris, 1879.

⁵⁵ Подписанное 221 французским депутатом 18 марта 1830 года ответное письмо на тронную речь Карла X на открытии сессии парламента. Это политическое заявление выражало протест против недоверия, выраженного королем, и опасение за вольности французского народа при ультрароялистском министерстве Полиньяка.

ного органа может отчасти свидетельствовать о духе Академии в целом. В издании печатал свои первые работы молодой Дювержье де Горанн, примкнувший после Июльской революции к группе А. Тьера, а при Второй республике – к лагерю консерваторов⁵⁶. П. Вермерен считает, что авторы “Globe” создали новую парижскую философию и возглавили интеллектуальное движение в период Реставрации⁵⁷. Автор анонимного письма, появившегося в “London Magazine” 18 декабря 1824 г., называл “Globe” трибуной “спиритуалистической партии” поклонников Платона, Прокла, Канта, Шеллинга и “хулителями философии, которую Кондильяк основал на опыте”⁵⁸. “Globe” характеризовалась критиками как газета “кузенистская”, т.е. находящаяся на философских позициях В. Кузена и его учеников, которые “защищали спиритуализм и умеренное кантианство” против идеологов (П.Ж. Кабанис, К. Вольней, П. Ларомигьер, Д.Ж. Гара, П.-Л. Генгене, П. Ларомигьер, Ж.М. Дежерандо, М.Ф. Мен де Биран и А. Дестют де Траси).

Сетевой подход показывает изолированность группы “идеологов” во главе с А.Д. де Траси в период Реставрации. Такое положение привело не только к падению интереса к представителям течения, но и к забвению ряда важнейших положений концепции идеологов.

Кузен, философски близкий к идеологам, но на уровне институциональных и личных отношений порвавший с ними, развивал свое учение в русле сенсуализма XVIII в. и испытывал очевидное влияние идей Локка и Кондильяка. Непосредственным импульсом для его штудий явилось также событие социально-политическое – Французская революция, разрушившая корпоративные структуры старой Франции и освободившая личность. Вопрос “на что способен человек вне корпорации?” положил начало психологической науке во Франции и широкой известности Кузена. Он и его многочисленные ученики считали, что новое, “свободное” общество сформировало “послереволюционный”, “индивидуализированный” тип личности, свободной от диктата корпораций. Подход кузенистов во многом концептуализировал объективное существование буржуазного класса и демонстрировал общественное превосходство этого слоя, в чем сказывалось влияние социальных идей доктринеров, в первую очередь Руайе-Коллара и Гизо.

Отождествление идеологии с метафизикой вело к заключению, что идеи Траси лишены оригинальности и незначительны с философской точки зрения, представляя собой продолжение/изживание соответствующих традиций Просвещения⁵⁹ и, что еще хуже, революции. Цель идеологии как философского направления состояла в обеспечении разумности человеческого устройства через образование, что делало группу Траси прямой наследницей Просвещения. Как неоплатоники подвели итог античной философии, так идеологи предложили синтез наиболее сильных идей XVIII века: методической – Э. Кондильяка и предметных – авторов “Энциклопедии”. Сам Траси считал основоположником идеологии именно Кондильяка, гносеологические построения которого возникли под воздействием идей Локка⁶⁰. О пиетете, который Траси испытывал перед великим просветителем, можно судить по строкам “Элементов идеологии”: “Прежде чем идти дальше, хорошо бы вам составить представление о наиболее авторитетных мнениях: для этого достаточно будет изучить мнение Кондильяка, поскольку оно является общим основанием для всех остальных, представляющих собой лишь варианты последнего”⁶¹.

⁵⁶ См. Бутенко В.А. Указ. соч., с. 15.

⁵⁷ Vermeren P. Les têtes rondes du Globe et la nouvelle philosophie de Paris. – *Romantisme*, 1995, № 88, p. 23–34.

⁵⁸ Ibid., p. 23.

⁵⁹ См. Иванова А.С. Начала “идеологии”: Антуан Дестют де Траси и его наука об идеях. – *Вопросы философии*, 2013, № 8, с. 147.

⁶⁰ Теорию познания Кондильяка и де Траси связывают эмпиризм и сенсуализм. Обе они включили в себя три основных постулата, сформулированных Локком: образование является процессом; познания начинаются с *tabula rasa*; источником познания может быть только ощущение.

⁶¹ Дестют де Траси А. Элементы идеологии. – *Вопросы философии*. 2013, № 8, с. 150.

Политический и идейный разрыв между идеологами и центральными фигурами интеллектуального пространства посленаполеоновской Франции не закрепился разрывом институциональным. Кабанис и многие другие были избраны академиками в Институт Франции в год закрытия Академии моральных и политических наук (1803), возрождение которой (1832) стало важной вехой в эволюции социальных и гуманитарных дисциплин, а также своеобразным итогом интеллектуальной жизни эпохи Реставрации. Траси, проживший до 1836 г., вновь стал членом Академии моральных и политических наук в 1832 г. Однако его формальное членство не меняло духа и задач институции, обозначенных Гизо: “Моральные и политические науки должны укрепить то, что раньше потрясали”⁶².

Самым “чистым” примером интеллектуальной сети посленаполеоновской Франции может служить общество доктринеров, возникшее в 1814 г. По одной версии название объединения появилось в результате шуточного обвинения, брошенного в адрес первого его лидера П. Руайе-Коллара, выступавшего с речью о “доктринах, принципах и теориях”⁶³, по другой, “доктринеры” – это самоназвание, что подтверждается мемуарами Гизо. Последний полагал, что “доктрины, от имени которых уничтожили старое общество должны смениться доктринами, которые позволят создать новую Францию”⁶⁴. Доктринеры не представляли собой политическую партию, а были небольшой, но влиятельной группой, члены которой, по словам современника, могли разместиться на одном диване. Убежденные, что идея конституционной монархии способна соотнести идеалы 1789 г. с королевской властью и стать тем государственно-правовым фундаментом, который необходим обществу⁶⁵, они старались примирить свободу с порядком, конституционный образ правления с сильным правительством. Центральными акторами сети доктринеров были Руайе-Коллар и Гизо.

Доктринеры поддержали принцип легитимизма как политическую комбинацию, однако подвергли резкой критике аргументы Талейрана и его сторонников. Доводы последних они сравнивали с идолопоклонством, используя при этом популярную традиционалистскую риторику Ж. де Местра. Доктринеры находили сходство между тем, как человек первобытный творил себе богов, и тем, как человек новый творил себе господ, пытаясь найти место на земле не только для божества, но и для суверенитета: “Он пожелал, чтобы им управляла власть, которая бы имела незыблемое и прочное право на его послушание. И в закреплении своего послушания – безграничного и необратимого – он преуспел не меньше, чем в закреплении своей веры”⁶⁶. Признав органическое стремление людей к поиску суверена, доктринеры стремились доказать, что этим сувереном, единственно легитимным по природе своей и навечно, является разум, истина, справедливость⁶⁷.

Сетевая консолидированность доктринеров и политические запросы времени позволили интеллектуалам завершить работу над концепцией либерализма, истоки которой уходят в работы Локка и Монтескье. Особенность либерализма доктринеров заключалась в том, что они порицали демократические идеи Руссо и опыт революции. Однако уже у Монтескье становится очевидным водораздел между демократической и либеральной идеологией. Просветитель подчеркивает ошибочность демократического понимания свободы, приравнивающего ее к народовластию. Он определяет свободу как “спокойствие духа, происходящее от уверенности в своей безопасности”⁶⁸. Защита прав

⁶² Guizot F. Ordonnance du Roi qui rétablit dans le sein de l'Institut royal de France l'ancienne Classe des sciences morales et politiques. – Académie des sciences morales et politiques. Notices biographiques et bibliographiques. Paris, 1981, p. 17–18.

⁶³ Craitu A. Op. cit., p. 26.

⁶⁴ Guizot F. Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps, v. 8. Paris, 1867, p. 158.

⁶⁵ Craitu A. Op. cit., p. 27.

⁶⁶ Гизо Ф. Политическая философия о суверенитете. – Классический французский либерализм. М., 2000, с. 507.

⁶⁷ Там же, с. 509.

⁶⁸ Монтескье Ш.Л. Дух законов, т. 1. СПб., 1839, с. 270.

личности, на которые не может посягать государство, ограничение государственной власти, отрицание принципа абсолютного государственного суверенитета становятся основными догматами либерализма.

Либерализм доктринеров так же, как либерализм Монтескьё, отказывается от непосредственной демократии, поскольку массы по причине своей невежественности не умеют ценить принцип свободы. Весь народ не может и не должен заниматься законодательной деятельностью, а “участвует в правлении для того только, чтобы избрать своих депутатов, к чему он весьма способен”. “Важная выгода депутатов состоит в том, что они могут рассуждать о делах. Народ к этому совершенно не способен, и это есть один из величайших недостатков демократии”. Избирательный ценз должен отсеять тех, кто “находится в столь низком состоянии, что считается не имеющим собственной воли”⁶⁹.

Последователями Монтескьё и идейными предшественниками доктринеров в период Французской революции были умеренные монархисты. Идеалом нормативно-правового акта они считали английскую конституцию, а шестая глава девятой книги “О духе законов” стала фактически их политической программой. Э. Мунье, П.-В. Малуэ, Ж. Малле дю Пан, Ж. Неккер, Л. Клермон-Тоннерр, Ж. Бергас, А. Лалли-Толлендаль, П. Вирьё и др. опасались как королевского деспотизма, так и народовластия. Они выступали за постепенное социальное реформирование и отвергали революционные методы. Поскольку любые проявления “прямой демократии” толкали их в консервативный лагерь, в рядах либеральной партии эпохи Реставрации не найти ни одного из представителей этой группы⁷⁰.

Сетевой подход свидетельствует о включенности Токвиля в интеллектуальную сеть доктринеров, что подтверждает факт преемственности. В частности, идея вызревания элементов нового общества в недрах Старого порядка широко связывается с работой Токвиля “Старый порядок и революция”. Однако Гизо в аналогичной перспективе рассматривает всю историю Франции⁷¹. Историческая концепция Токвиля состоит в том, что на смену вековой власти аристократии повсюду неизбежно приходит народовластие (“Демократия в Америке”). Гизо пишет: “Преобладающей силой французской и европейской цивилизации в XVII веке было правительство и аристократия, а в XVIII веке – общество”⁷². Токвиль считает, что вообще избирательное право и связанный с этим диктат широких масс “постепенно приводят к уничтожению свобод, усилению роли государства, политическому индифферентизму и стремлению граждан к опеке”. За 10 лет до этого Гизо требовал избирательного ценза, чтобы оградить государство и общество от диктатуры толпы. К слову, уже у Монтескьё становится очевидной линия водораздела между демократической и либеральной идеологией.

Изучение французского либерализма невозможно без понимания Токвиля⁷³, а понимание Токвиля невозможно без понимания его интеллектуальной сети в виде общества доктринеров. Однако политические потрясения, повлекшие за собой падение Июльской монархии, крайне негативно сказались на рецепции интеллектуального наследия доктринеров, которых политизированные французские интеллектуалы воспринимали после 1848 г. как мракобесов и реакционеров. Они потеряли свой политический капитал, что повлекло и утрату интеллектуального влияния. Работы Токвиля стали едва ли не единственным связующим звеном, благодаря которому многие идеи его “учителей” удалось сохранить для последующей интеллектуальной традиции, однако без связи с подлинными авторами.

⁶⁹ Там же, с. 276–277.

⁷⁰ Заметим, что многие из них погибли в годы революции.

⁷¹ Guizot F. Histoire générale de la civilisation en Europe depuis la chute de l'Empire romain jusqu'à la Révolution française. Paris, 1829.

⁷² Ibid., p. 83.

⁷³ См.: Дементьев И.О. Политическая теория Алексиса де Токвиля и французский либерализм первой половины XIX в. Дисс. к.и.н. Калининград, 2004, с. 5.

Традиционная дифференциация социальных мыслителей посленаполеоновской Франции на романтиков, позитивистов и “политиков”⁷⁴ теряет свою убедительность через призму сетевого подхода и выглядит огрубленной и не имеющей серьезного познавательного значения. Во многих философских работах и исторических сочинениях можно с легкостью обнаружить присутствие самых различных интеллектуальных тенденций, существование же сколько-нибудь “чистых” случаев не меняет общей картины⁷⁵. В предложенном анализе мы видим репрезентативные фрагменты устойчивой структуры тесных личных связей между группами интеллектуалов посленаполеоновской Франции и механизмы их самоорганизации, детерминированной в первую очередь политическим выбором. Конкретные примеры конкуренции между разными формами капитала, гарантирующими допуск в центр сети, свидетельствуют о том, что более старые формы капитала (социальный, экономический, политический) имеют очевидное превосходство над новыми формами (культурный, интеллектуальный), и потеря политического или социального капитала может привести к утрате интеллектуального. В отличие от своих предшественников, которые заняли позицию критически настроенных и пассивных зрителей, интеллектуалы посленаполеоновской Франции поверили в возможность “счастливого брака” между политикой и философией и стремились развивать идеологии, отталкиваясь от актуального политического контекста, в связи с чем сетевой подход показывает (и доказывает) тесную связь,ходящую до взаимопроникновения, между политическими и интеллектуальными элитами. Правящие круги периода Реставрации были вдохновлены меритократическим идеалом, что открыло для интеллектуалов доступ к законодательной, а затем и исполнительной власти.

⁷⁴ Имеются ввиду представители “политической историографии”.

⁷⁵ См.: Савельева И.М., Полетаев А.В. История и интуиция: наследие романтиков. – Гуманитарные исследования (ИГИТИ ГУ–ВШЭ). 2003, вып. 6, М., 2003, с. 3–4.